

ДИНАМИКА МЕР ПРОТЕКЦИОНИЗМА И СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ В КОНКУРЕНТНОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ США И КНР

Татьяна КОЛЕСНИКОВА

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Игорь СТЕПНОВ

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Аннотация: В статье исследуется механизм сочетания протекционистской и либерализационной компоненты в экономической политике США и КНР. В условиях ужесточения экономической конкуренции Соединенными Штатами и Китаем реализуется комплекс мер для поддержки национальных экономик, направленных на защиту важных для развития государств отраслей, а также на обеспечение рынков сбыта для производимых в стране товаров. Данные положения легли в основу гипотезы, заключающейся в том, что комплекс протекционистского и либерализационного инструментария в экономической политике США и Китая комбинируется и варьируется для обеспечения экономической безопасности и международной конкурентоспособности национальных экономик. С учетом анализа участия государств в глобализационных и интеграционных проектах выделены инструменты протекционизма, которые используют КНР и США. В частности, определены меры субсидирования экономики, налогово-бюджетный инструментарий, административные барьеры, а также тарифные меры, отражающиеся на внешней торговле исследуемых государств. На основе сравнительного анализа комплекса показателей проявления протекционистской и либерализационной компонент в экономической политике США и КНР выделены общие и различные тенденции в

Колесникова Татьяна Васильевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры международного предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения.

ORCID: 0000-0002-0450-1086. E-mail: kolesnikova-tv@mail.ru
190000, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 67, лит. А.

Степнов Игорь Михайлович – доктор экономических наук, профессор Департамента корпоративных финансов и корпоративного управления Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; ведущий научный сотрудник Института проблем рынка Российской академии наук.

ORCID: 0000-0003-4107-6397. E-mail: stepnoff@inbox.ru
125167, Москва, проспект Ленинградский, д. 49/2.
117418, Москва, Нахимовский проспект, 47.

Поступила в редакцию: 09.05.2023

Принята к публикации: 08.06.2023

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (грант № 23-28-01229).

сочетании мер протекционизма и свободной торговли. Авторы приходят к выводу о взаимодополняемости и взаимозависимости применяемого инструментария в целях экономической политики государств, направленной на повышение конкурентных преимуществ национальных экономик.

Ключевые слова: государственная экономическая политика, государственное регулирование, протекционизм, свободная торговля, государственное управление, экономика США, экономика КНР, конкурентоспособность

Среди концепций экономической политики, направленной на развитие национальной экономики в условиях тесных международных связей, можно выделить два основных направления: протекционизм и свободная торговля. Вопросы сопряжения, сочетания и противостояния этих двух концепций исследуются отечественными и зарубежными учеными в целях поиска наиболее адекватной для экономического роста модели ведения внешней торговли. Исследователями отмечается, что преимущества обеих концепций используются государствами в зависимости от приоритетов экономической политики на разных исторических этапах с учетом внутренней и внешней экономической конъюнктуры (Fajgelbaum, Goldberg, Kennedy et al., 2020; Rose, 2013; Wallerstein, 1980; Гальченко, 2019; Гильдебранд, 2020; Мальцев, 2021).

Цель данной статьи состоит в определении тенденций сочетания инструментов протекционизма и свободной торговли в экономической политике США и КНР. Исследование американской и китайской экономических политик обусловлено усиливающейся экономической и геополитической конкуренцией крупнейших экономик XXI в. Стремление Китая увеличить присутствие и влияние на международной арене противоречит интенции Соединенных Штатов сохранить статус глобального политического и экономического лидера. Существующий конфликт интересов предопределяет для двух государств необходимость поиска механизмов, способных обеспечить достижение целей в условиях тесных двусторонних связей и существующей взаимозависимости национальных экономик.

С точки зрения методологии, авторы выделяют период усиления протекционистской компоненты в государственной экономической политике двух государств, апеллируя к динамике показателей участия США и КНР в международной торговле, применения государствами мер протекционистского характера, а также реализации геоэкономических проектов. С помощью анализа причинно-следственных связей авторы выявили последовательное усиление протекционистской компоненты в экономической политике Соединенных Штатов и Китая для снижения двусторонней экономической зависимости и обеспечения конкурентоспособности национальных экономик.

Проявление протекционизма и свободной торговли в экономической политике США и КНР

США были апологетом концепции свободной торговли с середины XX в., продвигая идеи снижения торговых ограничений в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), заключенного в 1947 г. и позднее трансформировавшегося во Всемирную торговую организацию (1995 г.). Положительные экономические эффекты для стран, открывших экономические границы, наиболее масштабно проявились в начале XXI в. и позволили многим государствам существенно прирасти экономически за счет активного включения в международные экономические отношения.

Поворот в сторону свободной торговли в КНР стал осуществляться после провозглашения в 1978 г. Дэн Сяопином политики реформ и открытости. Реализация экспортно ориентированной модели экономического роста заложила фундамент экономического развития Китая. Присоединение КНР к ВТО в 2001 г. позволило существенно нарастить объемы внешней торговли и демонстрировать ежегодный прирост ВВП на уровне 10%. Воплощенный на практике инструментарий свободной торговли принес существенные выгоды китайской экономике.

Исследователи экономических процессов полагают, что в начале 2000-х гг. проявилась тенденция к усилению протекционизма (Reuveny and Thompson, 2001; Афонцев, 2020; Миловидов, 2020; Оболенский, 2018). Мировой экономический кризис продемонстрировал издержки политики свободной торговли и интернационализации мирохозяйственных связей. В условиях кризиса высокая взаимозависимость национальных экономик привела к снижению экономических показателей многих стран, включенных в международное разделение труда.

Для выявления значения внешней торговли в экономическом развитии США и КНР следует рассмотреть динамику изменения показателей открытости экономики: импортной квоты (ИК) и экспортной квоты (ЭК), рассчитываемых по формулам:

$$\text{ИК} = \text{Импорт} / \text{ВВП} * 100,$$

$$\text{ЭК} = \text{Экспорт} / \text{ВВП} * 100.$$

Увеличение показателей открытости США и КНР наблюдается до 2008 г. (см. рис. 1 и рис. 2), что свидетельствует о приоритетности концепции свободной торговли в экономической политике государств в данный период.

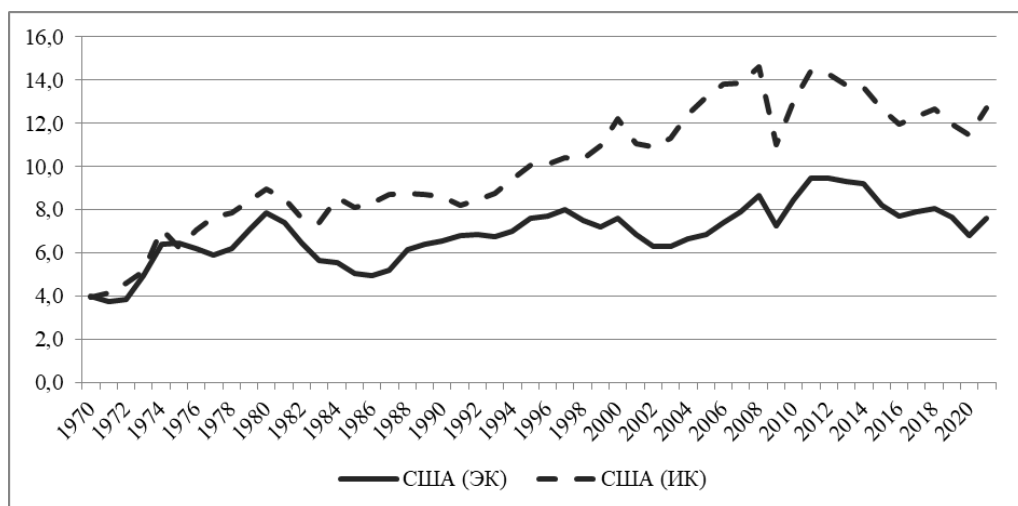


Рисунок 1. Динамика показателей открытости экономики США, %¹

Figure 1. Dynamics of economic openness in the US, %

Мировой экономический кризис стал импульсом к переориентации экономических политик государств на модели роста, сопряженные с развитием и реализацией внутреннего производственного потенциала. Это подтверждается динамикой экспортной и импортной квот Соединенных Штатов и Китая. При небольшой коррекции в 2010 г. после падения показателей США в 2008–2009 гг. наблюдается тенденция к снижению доли импорта и экспорта в экономике: с 14.4% в 2010 г. до 12.7% в 2021 г. и с 9.4% в 2010 г. до 7.6% в 2021 г. соответственно (рис. 1). В КНР динамика снижения выражена более сильно: экспортная квота уменьшилась с 34.4% в 2007 г. до 19.4% в 2021 г., импортная квота – с 26.9% до 15.5% (рис. 2).

¹ Источник: рассчитано и составлено авторами по данным UNCTAD (n.d.) Statistics. Available at: <https://unctad.org/statistics/> (accessed 4 July 2022).

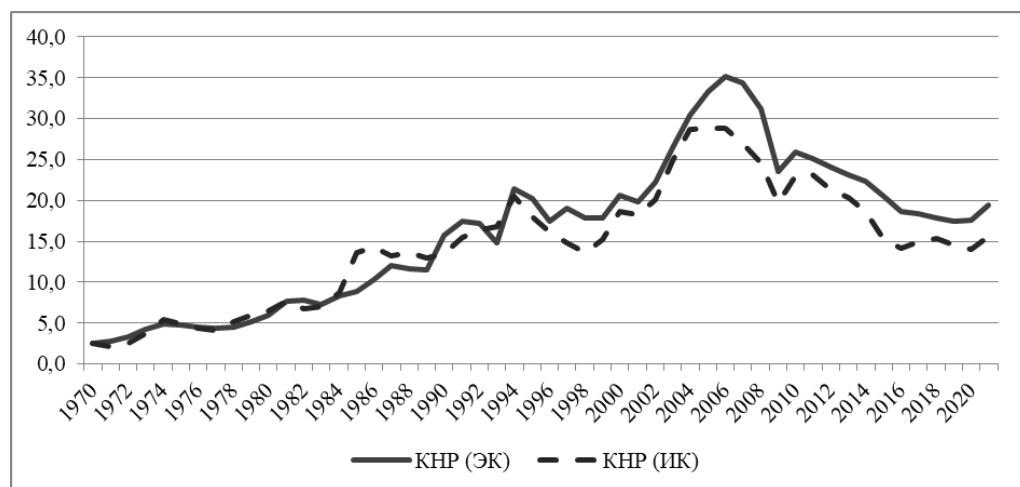


Рисунок 2. Динамика показателей открытости экономики КНР, %²
 Figure 2. Dynamics of economic openness in China, %

В совокупности с существенным увеличением в абсолютных величинах ВВП, экспорта и импорта – как в США, так и в КНР (таблица 1) – наблюдаемая динамика показателей открытости свидетельствует о снижении значения внешней торговли для исследуемых национальных экономик.

Таблица 1. Динамика показателей внешней торговли США и КНР,
 трлн долл. США, тек. цены³
 Table 1. Dynamics of foreign trade indicators between the US and China,
 trillion US dollars, current prices

Показатель	2009	2011	2013	2015	2017	2019	2021
КНР, ВВП	5.10	7.55	9.57	11.06	12.31	14.28	17.30
США, ВВП	14.57	15.70	16.95	18.31	19.58	21.48	23.11
КНР, экспорт товаров	1.20	1.90	2.21	2.27	2.26	2.50	3.36
США, экспорт товаров	1.06	1.48	1.58	1.50	1.55	1.64	1.75
КНР, импорт товаров	1.01	1.74	1.95	1.68	1.84	2.08	2.69
США, импорт товаров	1.61	2.27	2.33	2.32	2.41	2.57	2.94
КНР, торговый баланс	0.20	0.15	0.26	0.59	0.42	0.42	0.68
США, торговый баланс	-0.55	-0.78	-0.75	-0.81	-0.86	-0.92	-1.18

² Источник: рассчитано и составлено авторами по данным UNCTAD (n.d.) Statistics. Available at: <https://unctad.org/statistics/> (accessed 4 July 2022).

³ Источник: рассчитано и составлено авторами по данным UNCTAD (n.d.) Statistics. Available at: <https://unctad.org/statistics/> (accessed 4 July 2022).

Снижение открытости экономик обусловлено соответствующим возрастанием государственного регулирования, отражающимся на внешней торговле. В мировом масштабе с ноября 2008 г. по 2022 г. было введено более 30 тыс. различных мер, ограничивающих свободное движение товаров, услуг, инвестиций и рабочей силы, что в четыре раза превышает количество имплементированных либерализационных мер⁴. Указанный факт свидетельствует о востребованности протекционизма в государственной экономической политике и увеличивающемся значении государственной поддержки экономики по сравнению с рыночной парадигмой развития. Наибольшее число мер, ограничивающих свободную торговлю, было принято в 2020 г., что объясняется влиянием коронакризиса, который проявил приоритеты экономической безопасности и экономического суверенитета в целеполагании экономической политики государств.

За указанный период лидерами по введению и реализации механизмов, сдерживающих свободную торговлю, являются КНР (5761 мера) и США (5623 меры), что существенно больше, чем показатели других государств. Например, Италия, занимающая третье место по числу ограничительных механизмов, реализует только 1853 решения. Тенденция к увеличению государственного вмешательства в экономику протекционистского характера наблюдается как в США, так и в КНР (рис. 3).

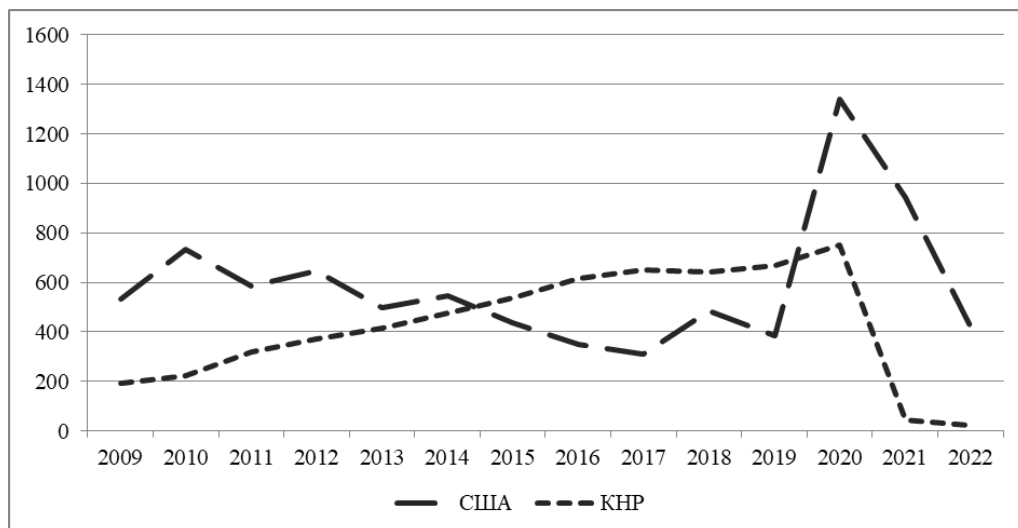


Рисунок 3. Динамика ввода мер, ограничивающих свободную торговлю, 2009–2022 гг.⁵

Figure 3. Dynamics of trade-restrictive measures introduction, 2009–2022

⁴ Global Trade Alert. *Global Trade Alert* (n.d.). Available at: <https://www.globaltradealert.org/> (accessed 4 July 2022).

⁵ Источник: составлено авторами по данным Global Trade Alert. *Global Trade Alert* (n.d.). Available at: <https://www.globaltradealert.org/> (accessed 4 July 2022).

Вместе с тем в период между 2008 г. и 2020 г. увеличивалось также число государственных решений, снимающих торговые ограничения (рис. 4). Однако соотношение ограничительных и либерализационных мер (в среднем 20:1) позволяет утверждать о значительном преобладании протекционистского инструментария в экономической политике анализируемых государств. Наибольшее число актов государственного регулирования экономики обусловлено реакцией на кризис, вызванный пандемией COVID-19, сопряженный с приостановкой деятельности компаний и разрывом производственных цепочек. Снижение количества новых мер в 2021–2022 гг. связано с восстановлением мировой экономики после локдаунов 2020 г. В то же время продолжение действия введенных ранее механизмов обеспечивает реализацию курса, направленного на защиту национальных экономик.

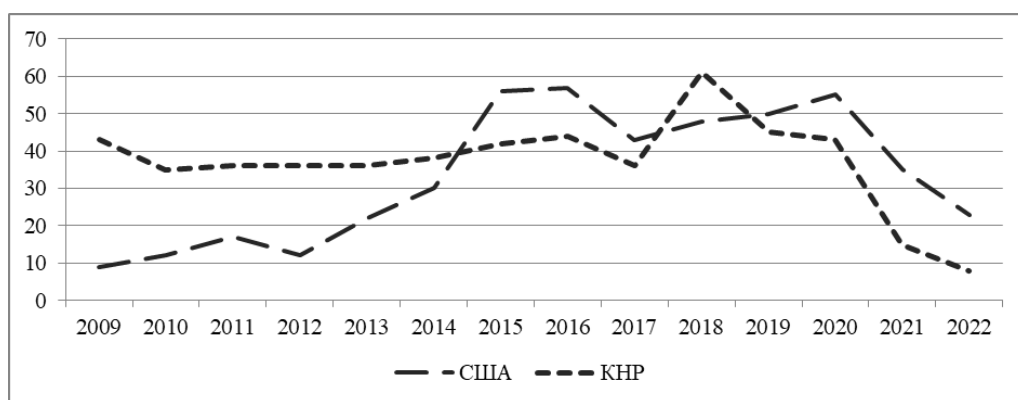


Рисунок 4. Динамика ввода либерализационных мер, 2009–2022 гг.⁶
Figure 4. Dynamics of liberalization measures introduction, 2009–2022

Поскольку США и КНР являются крупнейшими торговыми партнерами, в условиях возрастающего напряжения между ними наибольшее число мер, вводимых ими, направлено на снижение взаимозависимости. В рамках ВТО государства применяют доступные инструменты противостояния фактам недобросовестной конкуренции со стороны компаний (антидемпинговые меры) и государств (компенсационные меры) (рис. 5 и 6).

⁶ Источник: составлено авторами по данным Global Trade Alert. *Global Trade Alert* (n.d.). Available at: <https://www.globaltradealert.org/> (accessed 4 July 2022).

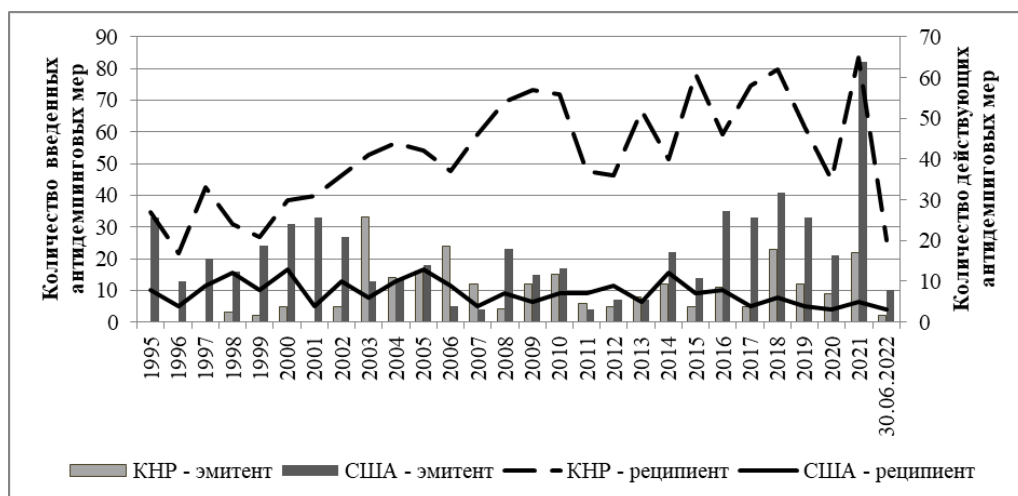


Рисунок 5. Динамика ввода антидемпинговых мер, США и КНР⁷
 Figure 5. Dynamics of anti-dumping measures introduction, USA and China

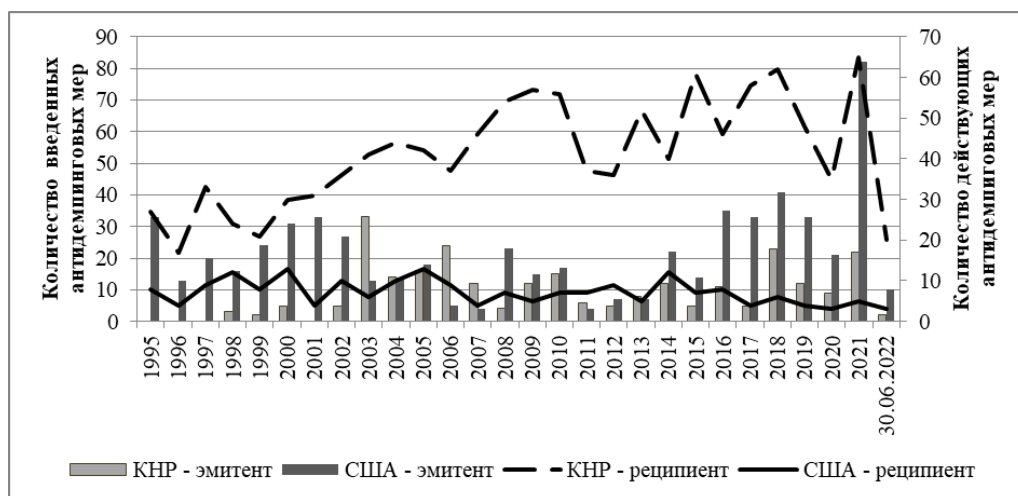


Рисунок 6. Динамика ввода компенсационных мер, США и КНР⁸
 Figure 6. Dynamics of countervailing measures introduction, USA and China

По итогам анализа применения практики антидемпинговых и компенсационных мер в ВТО авторы выявили ряд тенденций:

⁷ Источник: рассчитано и составлено авторами по данным WTO. Anti-dumping. WTO (n.d.). Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/adp_e/adp_e.htm (accessed 4 July 2022).

⁸ Источник: рассчитано и составлено авторами по данным Subsidies and countervailing measures. WTO (n.d.). Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/scm_e/scm_e.htm (accessed 4 July 2022).

1. Заметна тенденция к увеличению ввода компенсационных мер после 2008 г. – в отличие от антидемпинговых мер, регулирующий механизм которых был востребован государствами в течение всего периода функционирования ВТО;

2. Безусловным лидером по вводу антидемпинговых и компенсационных мер являются США (рис. 6 и 7). Так, из общего числа 4412 антидемпинговых мер, введенных в период с 1995 г. по 30 июня 2022 г., США были инициаторами 615 механизмов; из 397 компенсационных мер Соединенные Штаты ввели 202;

3. Наибольшее количество антидемпинговых и компенсационных мер введено в отношении КНР – 1156 из 4412 и 148 из 397 соответственно.

Противоположное значение США и КНР в распределении антидемпинговых и компенсационных мер в разрезе эмитентов и реципиентов свидетельствует о различных подходах к ведению конкуренции. Наибольшее количество антидемпинговых мер в отношении продукции из Китая говорит о стремлении властей США ограничить усилия китайских компаний по расширению доли рынка посредством как рыночных, так и нерыночных инструментов. Динамика компенсационных мер со стороны США по отношению к Китаю отражает увеличение количества доказанных фактов субсидирования производства со стороны КНР, позволяющих занижать цены китайских товаров на зарубежных рынках, что является проекцией протекционистской компоненты в экономической политике Китая.

Применение протекционизма и свободной торговли в обеспечении международной конкурентоспособности экономик США и КНР

В связи с тем, что в ВТО большинство мер, ограничивающих свободную торговлю, носят нетарифный характер, государства применяют инструменты скрытого протекционизма, например, субсидирование производства прямым и косвенным образом. В открытой форме протекционизм США реализовался в форме торговой войны с КНР, начатой президентом Д. Трампом в 2017 г. Ввод беспрецедентных в рамках ВТО торговых барьеров был подкреплен идеей обеспечения национальной безопасности, обрабатывающей промышленности США и интересами американского народа в целом (Jones, 2021). Целеполагание Соединенных Штатов в усилении протекционистской компоненты в экономической политике трактуется как стремление удержать позицию глобального лидерства (Дмитриев, 2020), повысить технологическую конкурентоспособность национальной экономики (Липатникова, 2018), обеспечить экономическую (Чудинова, 2019) и цифровую безопасность (Friis and Lysne, 2021).

Экономическое развитие Китая, обусловившее конкуренцию с США, сопряжено с поиском баланса либерализационных и протекционистских мер во внешней торговле. С одной стороны, открытие рынка и снижение тарифных барьеров в соответствии с нормами ВТО, а также преференциальные условия налогообложения иностранных компаний, действовавшие до 2008 г., позволили значительно увеличить объемы экспорта и притока инвестиций

(Степнов, Ковальчук, 2020). С другой, субсидирование динамично развивающихся отраслей, таких как автомобильная промышленность, электроника, альтернативные виды энергетики, нередко становились объектами разбирательств со стороны развитых государств на площадке ВТО. Кроме того, удержание высоких ввозных пошлин на иностранные автомобили в течение длительного времени обеспечило развитие собственной автомобильной отрасли. В арсенале протекционистских мер КНР также присутствует регулирование курса юаня.

Наряду с протекционистскими мерами на экономическом росте КНР положительно отражается увеличение финансирования исследований и разработок. Следует отметить существенное значение государственного регулирования и государственной поддержки для научно-технологического развития (Ковальчук, Пичков, Степнов, 2019). В Китае такая поддержка сопоставима с объемами средств, выделяемых в развитых экономиках, что позволило существенно повысить технологическую оснащенность производства, и, следовательно, экспорта. Так, 71% совокупного мирового производства солнечных панелей приходится на Китай (Garcia-Herrero, 2021). Треть структуры экспорта китайских товаров приходится на высокотехнологичную продукцию (*high technology manufactures*); при этом увеличивается доля экспорта товаров со средним уровнем технологий (*medium technology manufactures*) за счет снижения экспорта низкотехнологичных товаров (*low technology manufactures*)⁹. Повышение технологичности товаров связано с субсидированием производства стратегических отраслей на местном уровне, а также квотированием экспорта отдельных технологий, в частности, таковых в сфере искусственного интеллекта.

Переориентация экономической модели развития Китая с экспортоориентированной на развитие внутреннего спроса позволила реализовать внутренние резервы роста в посткризисный период. В программе 2015 г. «Сделано в Китае – 2025» определены стратегические приоритеты экономического развития, в то числе замещение импорта национальным производством в высокотехнологичных отраслях и диверсификация товарной структуры экспорта в пользу продукции с высокой добавленной стоимостью. Как отмечается в исследованиях, программа «Сделано в Китае – 2025» привела к усилению опасений США относительно китайского доминирования в технологической сфере (Липатникова, 2018).

Усиление экономической конкуренции КНР и США в 2000-х гг. сопровождалось развитием конкурентных отношений в геополитической плоскости. С председательства Ху Цзиньтао (2003–2013 гг.) отмечается «выход из тени» КНР как независимого актора международных отношений. Китай стал использовать концепцию «мягкого балансирования» и расширил практику использования права вето в рамках Совета Безопасности ООН по вопросам,

⁹ UNCTAD (n.d.) Statistics. Available at: <https://unctad.org/statistics/> (accessed 4 July 2022).

представляющим особую важность для США (ближневосточная проблематика, Венесуэла и пр.) (Галимуллин, 2021). На рубеже 2020-х гг. геополитические противоречия КНР и Соединенных Штатов усиливаются; наиболее яркий пример – эскалация конфликтной риторики по тайваньскому вопросу.

В связи с укреплением экономического и геополитического значения КНР США стремятся не только снизить зависимость от китайской экономики, но и сократить возможности технологического развития Китая за счет «технологического бойкота» КНР как самими Соединенными Штатами, так и их государствами-партнерами (Кашин, 2021).

Значительный протекционизм со стороны США по отношению к КНР может оцениваться как противоречащий последовательно реализуемой политике свободной торговли во внешнеторговых отношениях (Таскаева, 2021). Однако набор и комбинация инструментов свободной торговли и протекционизма определяется исходя из целей и приоритетов экономической политики. Если в середине XX в., будучи самой большой после Второй мировой войны, экономика США была направлена на расширение доступа произведенных в стране товаров на зарубежные рынки, то в условиях ужесточающейся конкуренции со стороны Китая приоритетами становятся удержание геοэкономического и геополитического влияния, а также обеспечение безопасности внутренней экономики от угроз зависимости от КНР.

Смена скрытого протекционизма на открытые защитные меры предопределила противостояние в сфере тарифного регулирования международной торговли. За годы ведения американо-китайской торговой войны средний уровень ставок таможенных тарифов для ввозимых из КНР товаров в рамках режима наибольшего благоприятствования вырос в пять раз (Дмитриев, 2020). Введение и повышение таможенных тарифов коснулось более 15% ввозимых в США из Китая товаров. Помимо тарифных мер применены налогово-бюджетные инструменты для стимулирования рещоринга американских компаний, административные запреты на реализацию инвестиционных сделок, а также на покупку и использование ряда китайских программных и цифровых технологий в государственном секторе и частных компаниях (Иноземцев, Гусейнов, 2018).

Зеркальный характер ответных мер Китая усилил взаимный протекционизм. Вместе с тем в экономической политике КНР просматривается пре-емственность курса на самообеспечение экономики и ее развитие путем удовлетворения внутреннего спроса национальным производством, а также расширением рынка сбыта товаров посредством двусторонних договоренностей о свободной торговле и преференциальных режимах, в том числе в рамках инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП). Американские ограничения в сфере технологий стали для Китая катализатором развития собственного высокотехнологичного производства, укрепления военно-промышленного комплекса и диверсификации географической структуры торговых партнеров за счет построения новых каналов внешней торговли в рамках ОПОП (Лузянин, 2021). Укрепление идеи об опоре на внутреннее производ-

ство предопределило создание в рамках экономической политики КНР концепции единого внутреннего рынка (*China's unified domestic market*) в 2022 г. В соответствии с ней должна произойти унификация внутреннего рынка за счет снятия ограничений для движения товаров, услуг, капиталов и трудовых ресурсов внутри страны.

Отметим, что экономическое противостояние США и КНР, а также торговая сделка, заключенная в 2020 г., не привели к существенным изменениям характера двусторонней торговли (рис. 6). В 2021 г. 6.7% от всей импортируемой продукции в Китай приходилось на поставки из Соединенных Штатов, в то же время доля китайских товаров в совокупном объеме импорта США составила 18.4%. Однако последствия противостояния отразились в снижении объема двусторонних инвестиций. При этом объем китайских инвестиций в экономику Соединенных Штатов снизился с 50 до 7.2 млрд долл., а объем американских инвестиций в КНР уменьшился – с 14 до 8.7 млрд долл. в 2020 г.

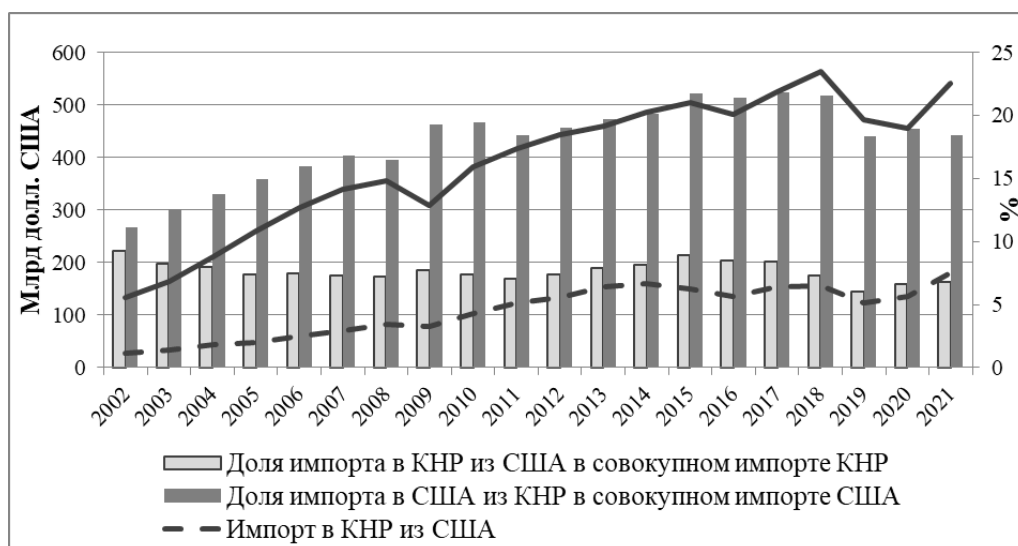


Рисунок 6. Динамика показателей двусторонней торговли США и КНР¹⁰

Figure 6. Dynamics of US-China bilateral trade indicators

Обобщение результатов проведенного анализа (табл. 2) позволяет выделить общие характеристики развития экономик США и КНР, а также определить существенные различия в реализуемых экономических политиках государств.

¹⁰ Источник: рассчитано и составлено авторами по данным Trade Map. *Trade Map* (n.d.). Available at: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (accessed 4 July 2022).

Таблица 2. Проявления протекционистской и либерализационной компонент в экономической политике США и КНР¹¹

Table 2. Manifestations of protectionist and liberalizing components in US and Chinese economic policies

№ п/п	показатель	США	КНР
1	участие в международной торговле	рост внешней торговли	
2	торговый баланс	отрицательный, увеличивается	положительный, увеличивается
3	показатели открытости	снижаются	
4	факты вмешательства государства в экономику	увеличивается количество мер, ограничивающих свободную торговлю	
5	применение защитных мер в условиях ВТО	преимущественно эмитент антидемпинговых и компенсационных мер	преимущественно реципиент антидемпинговых и компенсационных мер
6	проекты глобализации	выход из Транстихоокеанского партнерства (ТТП)	продвижение инициативы «Один пояс – один путь»
7	интеграционные тенденции	трансформация НАФТА в USMCA	продвижение Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП)
8	проекты развития внутреннего производства	программы под лозунгами "Make America Great Again" и "America First"	программа «Сделано в Китае – 2025», программа единого внутреннего рынка

Полученные результаты сравнительного анализа дают основания для следующих выводов:

1. При увеличении объемов внешней торговли в США и КНР фиксируется снижение экспортной и импортной квот, в том числе в результате увеличения количества мер протекционистского характера, ограничивающих свободную торговлю.

2. Реализация Соединенными Штатами и Китаем программ развития внутреннего рынка носит выраженный протекционистский характер, направленный на снижение зависимости от иностранных товаров и обеспечение конкурентных преимуществ за рубежом, где США и КНР претендуют на доли внешних рынков.

¹¹ Источник: составлено авторами.

3. Разнонаправленная динамика торгового баланса говорит о различии в целеполагании экономических политик: наряду с необходимостью обеспечения экономической устойчивости, важное значение для Соединенных Штатов имеет сокращение отрицательного торгового баланса, что позволяло бы снижать зависимость от иностранных поставок.

4. Диспропорции в балансе реализуемых двусторонних антидемпинговых мер свидетельствуют о неоднозначной ценовой политике китайских компаний, для которой фактор ценовой конкурентоспособности товаров из Китая на американском рынке не всегда обусловлен низкой себестоимостью. Порой эта тенденция определена также недобросовестной конкуренцией, в основе которой лежит стремление к расширению доли рынка.

5. Увеличение количества компенсационных мер со стороны США по отношению к КНР может свидетельствовать как о расширении масштабов субсидирования производства в Китае, так и об увеличении выявляемых фактов субсидирования.

6. Реализация проектов глобального характера свидетельствует о переходе центра глобализации в регион Азии с доминирующей ролью КНР, выстраивающей инициативу «Один пояс – один путь» как инфраструктуру распределения товаров по государствам-участникам для диверсификации географической структуры экспорта продукции.

7. Расширение сети двусторонних и многосторонних торговых соглашений со стороны Китая, включая его участие в продвижении ВРЭП, позволяет сделать вывод о заинтересованности КНР в применении инструментов свободной торговли для увеличения экономического присутствия на международном рынке. В то же время осуществленный Д. Трампом пересмотр соглашения о зоне свободной торговли между США, Канадой и Мексикой демонстрирует такую особенность экономической политики США, как отстаивание экономических интересов государства в рамках свободной торговли.

Подводя итог, следует отметить, что в экономической политике США и КНР одновременно присутствуют инструменты протекционизма и свободной торговли. Их сочетание и применение зависит от целей экономической политики на определенном этапе, сложившейся международной экономической конъюнктуры и тенденций развития международных экономических связей.

Список литературы

1. Fajgelbaum P., Goldberg P., Kennedy P., et al. (2019) *The Return to Protectionism*. w25638. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. DOI: 10.3386/w25638.
2. Friis K. and Lysne O. (2021) Huawei, 5G and Security: Technological Limitations and Political Responses. *Development and Change* 52(5): 1174–1195. DOI: 10.1111/dech.12680.
3. Garcia-Herrero A. (2021) *What is Behind China's Dual Circulation Strategy*. 3927117, SSRN Scholarly Paper. Rochester, NY. DOI: 10.2139/ssrn.3927117.
4. Jones K. (2021) *Populism and Trade: The Challenge to the Global Trading System*. 1st ed. Oxford University Press. DOI: 10.1093/oso/9780190086350.001.0001.

5. Reuveny R. and Thompson W.R. (2001) Explaining Protectionism: 17 Perspectives and One Common Denominator. *Global Society* 15(3): 229–249. DOI: 10.1080/13600820120066249.
6. Rose A.K. (2013) The March of an Economic Idea? Protectionism isn't Counter-Cyclic (Anymore). *Economic Policy* 28(76): 569–612. DOI: 10.1111/1468-0327.12017.
7. Wallerstein I. (1980) *The Modern World-System II. Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy*. New York – London, pp. 233–267.
8. Афонцев С.А. (2020) Политика и экономика торговых войн. *Журнал Новой экономической ассоциации* 1(45): 193–198. DOI: 10.31737/2221-2264-2020-45-1-9.
9. Галимуллин А.М. (2021) Эволюция внешнеполитической линии КНР в Совете безопасности ООН. *Сравнительная политика* 12(3): 186–191. DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10035.
10. Гальченко Е.А. (2019) Преимущества свободной торговли: динамический анализ. *Вопросы теоретической экономики* 1(4): 46–58. DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10104.
11. Гильдебранд Б. (2020) *Политическая экономия настоящего и будущего. (Через призму исторического метода исследования экономических явлений)*. URSS.
12. Дмитриев С.С. (2020) Американо-китайское технологическое соперничество: от «высокомерия» к бойкоту. *Мировая экономика и международные отношения* 64(12): 70–77. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-12-70-77.
13. Иноземцев М.И., Гусейнов Ш.Р. оглы (2018) О противоречивости отдельных положений современного корпоративного управления и практики цифровой трансформации хозяйствующих субъектов и общества. *Вестник МГИМО-Университета* 6(63): 294–316. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-6-63-294-316.
14. Кашин В.Б. (2021) Военно-промышленное и военно-экономическое измерения американо-китайского соперничества. *Сравнительная политика* 12(3): 85–97. DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10029.
15. Ковальчук Ю.А., Пичков О.Б., Степнов И.М. (2019) Интеграционная роль государственного регулирования и государственной поддержки научно-технологического развития. *Дружковский вестник* 4(30): 70–83. DOI: 10.17213/2312-6469-2019-4-70-83.
16. Липатникова А.В. (2018) Торговый протекционизм Китая и США в условиях глобальной технологической конкуренции. *Новые направления научной мысли: Материалы Международной научно-практической конференции*, Ростов-на-Дону, Россия, 13 декабря 2018 года, С. 232–234. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ».
17. Лузянин С.Г. (2021) Китайско-американские отношения после Д. Трампа: оценки, подходы, перспективы. *США и Канада: экономика, политика, культура* 51(8): 75–80. DOI: 10.31857/S268667300016028-0.
18. Мальцев А.А., Чичилимов С.В. (2021) Истоки противостояния фритредерства и протекционизма в экономической теории. *Теоретическая экономика* 12(84): 69–81. DOI: 10.52957/22213260_2021_12_69.
19. Миловидов В.Д., Аскер-Заде Н.В. (2020) Протекционизм 2.0: новая реальность эпохи глобализации. *Мировая экономика и международные отношения* 64(8): 37–45. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-37-45.
20. Оболенский В.П. (2018) От легитимного протекционизма к торговым войнам? *Мировая экономика и международные отношения* 62(9): 18–25. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-18-25.
21. Степнов И.М., Ковальчук Ю.А. (2020) Цифровые вызовы и справедливость налогов. *Цифровое право* 1(1): 39–58. DOI: 10.38044/DLJ-2020-1-1-39-5.
22. Таскаева С.В. (2021) Протекционизм и политика свободной торговли в современных внешнеторговых отношениях Китая и США. *США и Канада: экономика, политика, культура* 51(3): 73–80. DOI: 10.31857/S268667300013922-4.
23. Чудинова К.О. (2019) Влияние политики Д. Трампа на международную торговлю. *Международная торговля и торговая политика* 3(19): 65–82. DOI: 10.21686/2410-7395-2019-3-65-82.

DYNAMICS OF PROTECTIONISM AND FREE TRADE MEASURES IN THE COMPETITIVE CONFRONTATION BETWEEN THE UNITED STATES AND CHINA

Dr Tatiana V. KOLESNIKOVA – Associate Professor, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.

ORCID: 0000-0002-0450-1086. E-mail: kolesnikova-tv@mail.ru
 67 Bolshaya Morskaya Street, Saint Petersburg, Russia, 190000.

Dr Igor M. STEPNOV – Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation; Leading Research Fellow, Market Economy Institute Russian Academy of Sciences.

ORCID: 0000-0003-4107-6397. E-mail: stepnoff@inbox.ru
 49 Leningradsky Prospekt, Moscow, Russia, 125993.
 47 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, Russia, 117418.

Received May 9, 2023

Accepted June 8, 2023

Acknowledgments. This research has been supported by a grant from the Russian Science Foundation. Project no. 23-28-01229.

Abstract: The article examines the reconciliation mechanism of protectionist and liberalization components in the economic policy of the United States and China. Under tightening economic competition, the U.S. and China are implementing a set of measures to support national economies, aimed both at protecting the industries which are crucial for the development of the states, and at ensuring markets for the goods produced in the country. These observations have led to the hypothesis that the set of protectionist and liberalization tools in the economic policy of countries is combined and varied to ensure economic security and international competitiveness of national economies. Based on the analysis of indicators measuring the openness of the US and PRC economies as well as a number of examples of government intervention in the economy, the authors detect the trend towards the strengthening of protectionism in the economic policy of the states since 2008. Taking into consideration the research on the participation of both countries in globalization and integration projects, the authors determine the protectionist instruments implemented by China and the USA to improve the economic growth and competitive advantage of their economies. In particular, government subsidies, fiscal tools, administrative barriers, as well as tariff measures affecting the foreign trade of the countries under study have been identified. On the basis of the comparative analysis of certain indicators measuring the manifestation of protectionist and liberalization components in the economic policy of the United States and China, the authors highlight common and different trends in combining protectionism and free trade. The synthesis of findings has led to the conclusion about the complementarity and interdependence of the tools used in the economic policy of the states aimed at increasing the competitive advantages of national economies.

Keywords: state economic policy, government regulation, protectionism, free trade, public administration, US economy, PRC economy, competitiveness

References:

1. Fajgelbaum P., Goldberg P., Kennedy P., et al. (2019) *The Return to Protectionism*. w25638. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. DOI: 10.3386/w25638.
2. Friis K. and Lysne O. (2021) Huawei, 5G and Security: Technological Limitations and Political Responses. *Development and Change* 52(5): 1174–1195. DOI: 10.1111/dech.12680.
3. Garcia-Herrero A. (2021) *What is Behind China's Dual Circulation Strategy*. 3927117, SSRN Scholarly Paper. Rochester, NY. DOI: 10.2139/ssrn.3927117.
4. Jones K. (2021) *Populism and Trade: The Challenge to the Global Trading System*. 1st ed. Oxford University Press. DOI: 10.1093/oso/9780190086350.001.0001.
5. Reuveny R. and Thompson W.R. (2001) Explaining Protectionism: 17 Perspectives and One Common Denominator. *Global Society* 15(3): 229–249. DOI: 10.1080/13600820120066249.
6. Rose A.K. (2013) The march of an economic idea? Protectionism isn't counter-cyclic (anymore). *Economic Policy* 28(76): 569–612. DOI: 10.1111/1468-0327.12017.
7. Wallerstein I. (1980) *The Modern World-System II. Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy*. New York – London, pp. 233–267.
8. Afontsev S.A. (2020) Politika i ekonomika trgovykh vojn [Politics and economics of trade wars]. *Zhurnal Novej ekonomicheskoy associacii* [Journal of the New Economic Association] 45(1): 193–198. DOI: 10.31737/2221-2264-2020-45-1-9. (In Russian).
9. Chudinova K.O. (2019) Vliyanie politiki D. Trampa na mezhdunarodnyuyu trgovlyu [The Influence of D. Trump's Policy on International Trade]. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika* [International Trade and Trade Policy] 3(19): 65–82. DOI: 10.21686/2410-7395-2019-3-65-82. (In Russian).
10. Dmitriev S.S. (2020) Amerikano-kitajskoe tekhnologicheskoe sopernichestvo: ot "vysokomeriya" k bojkotu [U.S.–China Technological Rivalry: from "Arrogance" to Boycott]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations] 64(12): 70–77. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-12-70-77. (In Russian).
11. Gal'chenko E.A. (2019) Preimushchestva svobodnoj trgovli: dinamicheskij analiz [The Advantages of Free Trade: Dynamic Analysis]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki* [Issues of Economic Theory] 1(4): 46–58. DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10104. (In Russian).
12. Galimullin A.M. (2021) Evolyuciya vneshnepoliticheskoy linii KNR v Sovete bezopasnosti OON [The PRC's UNSC Policy Evolution]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics] 12(3): 186–191. DOI 10.24411/2221-3279-2021-10035. (In Russian).
13. Hildebrand B. (2020) *Politicheskaya ekonomiya nastoyashchego i budushchego. (Cherez prizmu istoricheskogo metoda issledovaniya ekonomicheskikh yavlenij)* [The Political Economy of the Present and the Future. (Through the Prism of the Historical Method of Investigating Economic Phenomena)]. URSS. (In Russian).
14. Inozemtsev M.I., Guseynov Sh.R. ogly (2018) O protivorechivosti otel'nykh polozhenij sovremennogo korporativnogo upravleniya i praktiki cifrovoj transformacii hoz'yajstvuyushchih sub'ektov i obshchestva [Contradiction Between the Modern Corporate Governance's Theory And Practice of Businesses And Companies within Digital Transformation]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations] 6(63): 294–316. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-6-63-294-316. (In Russian).
15. Kashin V.B. (2021) Voennno-promyshlennoe i voennno-ekonomicheskoe izmereniya amerikano-kitajskogo sopernichestva [Military-Industrial and Military-Economic Dimensions of Sino-US Rivalry]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics] 12(3): 85–97. DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10029. (In Russian).
16. Koval'chuk Yu.A., Pichkov O.B., Stepanov I.M. (2019) Integracionnaya rol' gosudarstvennogo regulirovaniya i gosudarstvennoj podderzhki nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya [The Integration Role of State Regulation And State Support for Research And Technological Development]. *Drukerovskij vestnik* [Drukerovskij vestnik] 4(30): 70–83. DOI: 10.17213/2312-6469-2019-4-70-83. (In Russian).

17. Lipatnikova A.V. (2018) Torgovyy protekcionizm Kitaya i SSHA v usloviyah global'noj tekhnologicheskoy konkurencii [Trade Protectionism of China and the United States in the Context of Global Technological Competition]. *Novye napravleniya nauchnoj mysli: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [New Directions in Scientific Thought: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference], Rostov-on-Don, Russia, December 13, 2018, P. 232-234. Rostov-on-Don: Rostov State University of Economics. (In Russian).
18. Luzyanin S.G. (2021) Kitajsko-amerikanskije otnosheniya posle D. Trampa: ocenki, podhody, perspektivy [Sino-American Relations after D. Trump: Assessments, Approaches, Prospects]. *SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* [USA & Canada: Economics – Politics – Culture] 51(8): 75–80. DOI:10.31857/S268667300016028-0. (In Russian).
19. Maltsev A.A., Chichilimov S.V. (2021) Istoki protivostoyaniya fritrederstva i protekcionizma v ekonomicheskoy teorii [Origins of the Confrontation Between Free Trade and Protectionism in Economic Theory]. *Teoreticheskaya ekonomika* [Theoretical Economy] 12(84): 69–81. DOI: 10.52957/22213260_2021_12_69. (In Russian).
20. Milovidov V.D., Asker-Zade N.V. (2020) Protekcionizm 2.0: novaya real'nost' epohi globalizacii [Protectionism 2.0: New Reality in the Age of Globalisation]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations] 64(8): 37–45. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-37-45. (In Russian).
21. Obolenskij V.P. (2018) Ot legitimnogo protekcionizma k torgovym voynam? [From Legitimate Protectionism to Trade Wars?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations] 62(9): 18–25. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-18-25. (In Russian).
22. Stepnov I.M., Koval'chuk Yu.A. (2020) Cifrovye vyzovy i spravedlivost' nalogov [Digital Challenges and Tax Equity]. *Cifrovoe pravo* [Digital Law Journal] 1(1): 39–58. DOI: 10.38044/DLJ-2020-1-1-39-5. (In Russian).
23. Taskaeva S.V. (2021) Protekcionizm i politika svobodnoj trgovli v sovremennyh vneshnetorgovyh otnosheniyah Kitaya i SSHA [Protectionism and Free Trade Policy in Contemporary China-US Foreign Trade Relations]. *SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* [USA & Canada: Economics – Politics – Culture] 51(3): 73–80. DOI: 10.31857/S268667300013922-4. (In Russian).